

Бэйчэнь Цин усмехнулся:

— А ты догадлив. Без внезапного нападения тут не обойтись. Я обдумывал это без малого два месяца, и теперь у нас есть верный шанс взять заставу Тунгуань одним ударом. Только слезь с меня наконец, тяжёлый ведь как стог сена. Сядь нормально и послушай: хочешь завтра отправиться со мной на разведку?

Глаза Ян Е загорелись азартом. Он нехотя отпустил Юньци и приподнялся:

— Так ты правда придумал, как взять Тунгуань? Потрясающе! Стоит заставе пасть, и я поведу войско напрямиком на Лоян! Куда мы завтра направимся? Говори, я за тобой хоть в пекло, хоть на плаху!

Бэйчэнь Цин лишь загадочно улыбнулся:

— Прибудем на место — сам увидишь. Сяо Лан, прорваться в Лоян — задача не из лёгких. Ты уже связался с Янь Фэном?

Ян Е утвердительно кивнул.

— Тогда слушай, — продолжил Юньци. — Отбери отряд. Нужны люди, преданные тебе до последнего вздоха, готовые беспрекословно подчиняться любому приказу — сметливые, выносливые и ловкие. Много не надо, человек пятьсот-шестьсот. Через пару дней начнём их тренировать.

На следующий день Бэйчэнь Цин и Ян Е ускакали на разведку и пропадали до самых сумерек. Чжао-ван не стал расспрашивать, куда их понесло, целиком погрузившись в дела на передовой. Вернулись беглецы только к вечеру — оба в изодранных ветками одеждах, а в волосах маркиза Хуайнань запуталась сухая трава. Юньци терпеливо выбрал соринки из его шевелюры, и лишь после этого они вместе отправились в шатёр главного командования, чтобы наконец поужинать.

Пока они жадно уплетали еду, Ян Си, убедившись, что посторонних ушей поблизости нет, негромко спросил:

— Ну как?

— Всё осмотрели, — отозвался Бэйчэнь Цин. — Ближайшие пару дней посвятим расстановке сил и подготовке снаряжения. Выступаем в полночь, на исходе третьих суток.

В последующие два дня штурм крепости не прекращался ни на час. По ночам же люди Юньци собирали необходимые припасы и инструменты: часть отдавали отряду Ян Е, часть оставляли себе.

Наступили сумерки назначенного дня. Бэйчэнь Цин без промедления приступил к распределению сил, разделив войско на несколько отрядов. Сам он повёл многотысячную колонну на очередной штурм крепостных стен Тунгуаня, в то время как генерал Правой гвардии Юань Оумин вместе с флотоводцами старого князя Цэня устремился к переправе Фэнлин. Ян Си и господин Жэнь остались в ставке, готовые в любой момент перебросить резервы.

Отряд Ян Е, состоявший из Вэй Линьсяня, личной охраны маркиза и шести сотен отборных воинов, покинул лагерь задолго до выступления основных сил. Простившись с братом, Ян Е зычно скомандовал:

— За мной! — и увлёк людей за собой в ночную темноту.

Тьма за пределами лагеря сгущалась. Ян Е вёл свой отряд какими-то петляющими, путанными тропами. Каждый раз, замечая у обочины три камня, сложенные пирамидкой, он резко сворачивал в указанную сторону. После десятка подобных зигзагов большинство воинов окончательно потеряли ориентиры. Поначалу они думали, что направляются к переправе Погружения Луны, дабы оттуда нанести удар по переправе Фэнлин, но теперь, кружа по безлюдным предгорьям, никто не понимал, где они находятся.

Однако среди спутников нашлись и излишне проницательные умы. Признанный книжник и интеллектуал Бай Тинби подогнал своего коня ближе к предводителю и вполголоса заметил:

— Маркиз, мы сбились с пути.

— Ничего подобного, — отрезал Ян Е. — Твой маркиз никогда не выбирает неверную дорогу!

— Да как же неверную? — заупрямился Сяо Бай. — Переправа Погружения Луны на севере. Достаточно взглянуть на Полярную звезду, чтобы понять: мы забираем слишком далеко в сторону.

— Раз я говорю «верно», значит, верно. Кто тебе вообще сказал, что мы идём к переправе? А ну пошёл прочь! Раз уж природа обделила тебя мужеством, помалкивай и не лезь под руку! Откуда в тебе столько болтовни?

От обиды у Бай Тинби глаза мгновенно налились слезами. Он сердито отъехал в сторону и больше не проронил ни слова. Остальные, видя гнев командира, благоразумно помалкивали, продолжая петлять следом за ним. Вскоре тропа сузилась настолько, что колючие ветви то и дело хлестали всадников по лицам. Пришлось спешиться и вести лошадей на поводу.

Миновав очередной скалистый уступ, они вышли к мрачной, зажатой меж двух отвесных утёсов теснине. Склоны здесь вздымались подобно лезвиям, а сам проход преграждали дикие, густые заросли терновника. За ними громоздился хаотичный завал из гигантских валунов высотой в добрых семь-восемь чжанов. От времени они успели покрыться мхом и лишайником,

так что непосвящённый легко принял бы эту преграду за глухую природную стену. Лишь тонкий ручей пробивался сквозь глубокие расщелины у подножия завала, убегая куда-то в глубь ущелья.

Ян Е остановился и скомандовал:

— Вэй Линьсянь, вели рубить терновник. Затем отбери двадцать человек — ты сам, Сяо Бай, Нянь Вэй, Чжунли Чжэнь и братья Ма полезете первыми. Закрепите наверху канаты и помогите подняться остальным.

Вэй Линьсянь тут же передал приказ. Выданные перед походом топоры и верёвки, истинное назначение которых до этого момента оставалось загадкой, наконец пустили в дело. Сначала десяток воинов споро расчистили проход от колючих плетей, а затем опытные гвардейцы во главе с Вэй Линьсянем взобрались по пологому левому склону завала. Сбросив вниз прочные пеньковые канаты, они принялись одного за другим затаскивать бойцов наверх. Меньше чем за полчаса весь отряд преодолел завал и спустился на ту сторону.

Ян Е строжайше запретил шуметь. По его знаку люди зажгли факелы, укрывая их пламя телами, и поочерёдно принялись прорубать дорогу сквозь сухостой и колючки. Вскоре под слоем прелой листвы и земли у самого русла ручья проступила старая, полуразрушенная дорога, вымощенная позеленевшим плитняком.

Продвигались споро: уставших застрельщиков то и дело сменяли свежие силы. Пройдя около трёх ли, отряд наткнулся на прилепившуюся к западному склону ущелья квадратную каменную башню шириной шагов в двадцать. По приказу Ян Е один из бойцов швырнул внутрь обломок камня, но ответом была лишь мёртвая тишина, нарушенная испуганным карканьем старого ворона, взмывшего в ночное небо со своего насиженного места. Застава явно пустовала уже не одно десятилетие.

Воины двинулись дальше. Безмолвный отряд беззвучно скользил сквозь ночной мрак, скрывавший очертания ущелья. Видя напряжение людей, Ян Е негромко подбодрил их:

— Без паники. Я лично дважды прошёл этой дорогой туда и обратно. Здесь никого нет. Путь трудный, а впереди нас ждут места ещё тяжелее, так что соберитесь с духом.

В этот момент к нему протиснулся Сяо Наньань.

— Брат Сяо Лан, — прошептал юноша, испуганно озираясь по сторонам. — Что это за ущелье? В штабе ведь говорили, что мы пойдём брать переправу Погружения Луны?

Ян Е покосился на него и мягко улыбнулся:

— К переправе двинулись другие силы, Наньань. Тебе так не терпится повоевать у воды?

В больших глазах юноши промелькнуло смятение.

— Нет, вовсе нет! Я пойду за тобой куда угодно, брат Сяо Лан. Но всё же... где мы?

Ян Е тихо рассмеялся:

— Что ж, скрывать не стану. Это место зовётся Запретной расселиной. Юньци раскопал сведения о ней в древних хрониках. Несколько сотен лет назад именно здесь пролегал единственный настоящий тракт между Чанъанем и Лояном, а сама застава Тунгуань стояла неподалёку. На западных кручах тогда выстроили Двенадцать Соединённых крепостей — неприступный оборонительный рубеж, прикрывавший ущелье. Та заброшенная башня, которую мы миновали, как раз была одной из них. Позже русло Хуанхэ изменилось, заставу раз за разом переносили, а эту дорогу забросили за ненадобностью. Однако ушлые купцы продолжали тайно водить здесь караваны в обход налоговых постов. Когда императорский двор прознал об этом, проходы с обоих концов намертво завалили скальными обломками. Юньци говорил, что потратил немало сил, разыскивая этот лаз. Зато противоположный выход из ущелья ведёт напрямик в тыл нынешней крепости Тунгуань. Наш удар будет сокрушительным и внезапным.

— Вот оно как... — пробормотал Сяо Наньань. — А как же переправа Погружения Луны?

— А там всего лишь отвлекающий манёвр, — перебил его Ян Е, и его голос сделался ровным, почти равнодушным. — Классическая уловка Юньци: на глазах у всех чинить деревянные помосты на скалах, а самим скрытно идти обходным путём. Теперь уловил суть?

— Уловил, — поник юноша.

Он попытался неприметно смешаться с толпой воинов, но Ян Е удержал его, небрежно бросив:

— В этом ущелье веками не бывало даже диких зверей, тропа здесь гибельная. Держись рядом со мной и не вздумай отстать.

— Слушаюсь, — тихо ответил Наньнань, послушно пристроившись у его плеча.

Двигаясь вперёд, Ян Е то и дело всматривался в скалы, отыскивая взглядом остатки Двенадцати Соединённых крепостей. От одних остались лишь сиротливые груды камней, другие стёрло время, а две полуразрушенные башни рухнули прямо посреди самых узких теснин, полностью перегородив путь. Солдатам приходилось карабкаться через груды осыпавшейся кладки. На исходе первого ночного часа все рубежи остались позади. Дорога внезапно оборвалась у края глубокой пропасти, куда с глухим рокотом срывался поток ручья, рождая ревущий водопад, обдающий людей мириадами холодных брызг.

Ян Е велел отряду остановиться и негромко, но отчётливо произнёс:

— Братья! Совсем близко за этим обрывом — тыл Тунгуаня. Мы два месяца бились под стенами этой проклятой заставы, потеряли бесчисленное множество боевых товарищей, чьи кости так и остались тлеть в сырой земле, но не продвинулись ни на пядь. Теперь судьба Тунгуаня — в руках нашего отряда из шестисот человек. Вэй Линьсянь, Нянь Вэй! Спускайтесь со своими людьми первыми. Проверьте дорогу. Если внизу безопасно, дайте знак — мы пойдём следом.

Вэй Линьсянь беспрекословно подчинился и вместе с парой десятков гвардейцев скользнул по верёвкам вниз. Вскоре со дна ущелья донёсся тихий условный свист — путь был свободен. Бойцы начали методично спускаться по канатам.

— Наньнань, — придержал юношу Ян Е. — Мы с тобой пойдём последними, прикроем тыл.

Сяо Наньнань бледнел с каждой минутой, его была едва заметная дрожь, но маркиз делал вид, будто ничего не замечает. Дожидавшись, пока последний солдат скроется в темноте внизу, Ян Е жестом приказал юноше спускаться, а затем скользнул следом. Спустя сотню шагов скрытного продвижения сквозь ночной туман проступили угловатые очертания вражеской цитадели.

Вдруг Наньнань робко потянул его за рукав:

— Брат Сяо Лан, мне нужно отлучиться... по нужде. Нервы совсем сдают перед боем!

Ян Е презрительно хмыкнул:

— Вечно с тобой хлопот как с ленивым ослом перед пахотой. Ладно, иди, только одна нога здесь, другая там!

Юноша торопливо скользнул за густой кустарник. Трясущимися руками он выудил из-за пазухи кусочек угля и клочок бумаги, набросал несколько иероглифов, свернул записку в плотную трубочку и примотал её к оперению стрелы. Выбравшись с другой стороны зарослей, он бесшумно приблизился к стенам Тунгуаня и уже занёс лук, натягивая тетиву, как вдруг у самого его уха раздался вкрадчивый, мягкий голос:

— И что же ты делаешь, Наньнань?

Горячее дыхание коснулось шеи. Этот голос Сяо Наньнань не перепутал бы ни с чем на свете — говорил Ян Е. Едва не вскрикнув от ужаса, юноша резко развернулся и наотмашь полоснул клинком, рассекая воздух. Маркиз уклонился неувловимым движением и небрежно щелкнул пальцем по лезвию. Наньнань слыл великолепным стрелком, но в боевых искусствах и внутренней силе не мог соперничать с Ян Е. От щелчка ладонь юноши мгновенно онемела, пальцы разжались, и кинжал едва не улетел в кусты. Не успел он опомниться, как железные пальцы мёртвой хваткой сжали его запястье, перекрывая ток крови в меридианах, и рванули на себя.

Юноша был ещё совсем зелёным малым. Он побледнел как полотно и заикаясь выдавил:

— Я... я...

Маркиз вырвал из его рук лук со стрелой, ловко отвязал записку и развернул её. Быстро пробежав глазами по строчкам, Ян Е лишь тихо, беззлобно рассмеялся:

— Ну надо же. Кто бы сомневался.

У Сяо Наньня помутилось в глазах, в ушах зашумело. Он отчаянно пытался придумать хоть какое-то оправдание, но лишь беззвучно шевелил пересохшими губами.

Маркиз неторопливо примотал бумажку обратно к древку.

— Зачем, Наньнянь? — тихо спросил он.

— Брат Сяо Лан... — заскулил юноша, дрожа всем телом. — Моя... моя старшая сестра в императорском гареме... Её там все обижают, ей житья не дают! У меня не было выбора, пойми!

— Это твои трудности, — холодно перебил Ян Е. — Я хочу знать другое. На хребте Жёлтого Дракона мы попали в засаду из-за твоих донесений?

Юноша помешкал мгновение и обречённо кивнул. На губах маркиза заиграла ледяная усмешка.

— Значит, я был прав. Тогда, перед разгромом на хребте Жёлтого Дракона, мы с братом держали совет в шатре, а вы караулили снаружи. Кто-то слил информацию врагу, и мы угодили в капкан. Я долго ломал голову, вычисляя предателя среди своих. Нынешний рейд через Запретную расселину задумывался в том числе как проверка. Сперва я объявил, что мы идём на переправу Погружения Луны, а в последний момент резко сменил направление. И надо же — крыса тут же выдала себя. Эх, Наньнянь... И ведь среди моих телохранителей полно подозрительных типов! Вэй Линьсянь хитёр как лис, Сяо Бай труслив, Нянь Вэй чересчур прост, Чжунли Чжэнь угрюм, а три брата Ма и вовсе умом не блещут. Любой из них подошёл бы на роль изменника куда лучше тебя, но все они оказались чисты. Скажи мне, маленький предатель, что мне теперь с тобой делать?

Увидев эту страшную, спокойную улыбку, Сяо Наньнянь окончательно потерял самообладание. В его глазах отразился дикий, животный страх. Ноги подкосились, и он рухнул на колени. Ян Е по-прежнему железной хваткой удерживал его руку.

— Брат Сяо Лан, пощади! Клянусь, я больше никогда... никогда так не поступлю! Прости меня на первый раз! С этого дня я буду беспрекословно выполнять любые твои приказы! —

умоляюще запричитал юноша.

Маркиз присел перед ним и ласково произнёс:

— Наньнань, дело вовсе не в моём милосердии. Знаешь ли ты, скольких людей мы лишились из-за твоего доноса на хребте Жёлтого Дракона? Шестьдесят восемь тысяч воинов. Враг вырезал наши отряды, сжёг и разграбил обозы с провиантом. Мы остались без снабжения, зажатые между наступающим противником и глухой стеной, голодные и преследуемые по пятам как дикие звери. Нам пришлось, переступив через гордость, раз за разом униженно просить о помощи старого князя Цэня. Наше спасение стоило дорого — к счастью, в итоге князь Цэнь принял предложение Чжао-вана. Если бы не эта сделка, представляешь, какая участь нас ждала?

— Знаю, я всё знаю! — разрыдался Наньнань. — Но сестре приходилось ещё хуже! Я долго не отправлял им вестей, так они заставили её писать мне тайные послания, угрожали ей... У меня... у меня разрывалось сердце!

— Хм, — протянул маркиз. — И впрямь, какая жалость. Сама греется у тёплого очага во дворце, утопая в роскоши, а брата заставляет ходить под смертью. Трогательная забота. И кто же твоя сестра? Насколько мне известно, среди наложниц Ян Тао нет никого по фамилии Сяо.

— Её фамилия не Сяо, а Лэ, она носит титул чжаои, — поспешно объяснил юноша. — Мы единоутробные брат и сестра. Она — единственная родная душа, что осталась у меня на всём белом свете! Я не мог её предать!

Ян Е наклонился к самому его лицу и ласково, почти нежно прошептал:

— Что ж, логично. Раз ты выбрал сестру и отказался отречься от неё, то и я с чистой совестью могу отказаться от тебя. Не переживай, Наньнань. Когда наши войска победным маршем войдут в Лоян, твоей сестре ничто не будет угрожать — разумеется, если она доживёт до этого дня. Я поговорю с братом, и она сохранит свой гаремный статус чжаои и продолжит утопать в роскоши. А для всех остальных ты героически погибнешь сегодня ночью, отражая контратаку защитников Тунгуаня. Твою стрелу с запиской я самолично выпущу по стене крепости, чтобы она попала в руки Бай Лина. Но сделаю это чуть позже, когда дело будет сделано.

Пойми меня правильно, Наньнань. Мы затеяли мятеж, и на кону стоят наши головы. Пока у тебя есть слабость в лице сестры, ты останешься послушной марионеткой в руках врага. Предав один раз, ты неизбежно предашь снова и снова. Нам не нужен такой попутчик. Мы не можем позволить себе рисковать общим делом ради твоих родственных чувств. У нас больше нет права на ошибку. И особенно у меня — ведь я, признаться честно, уже чертовски устал ждать.